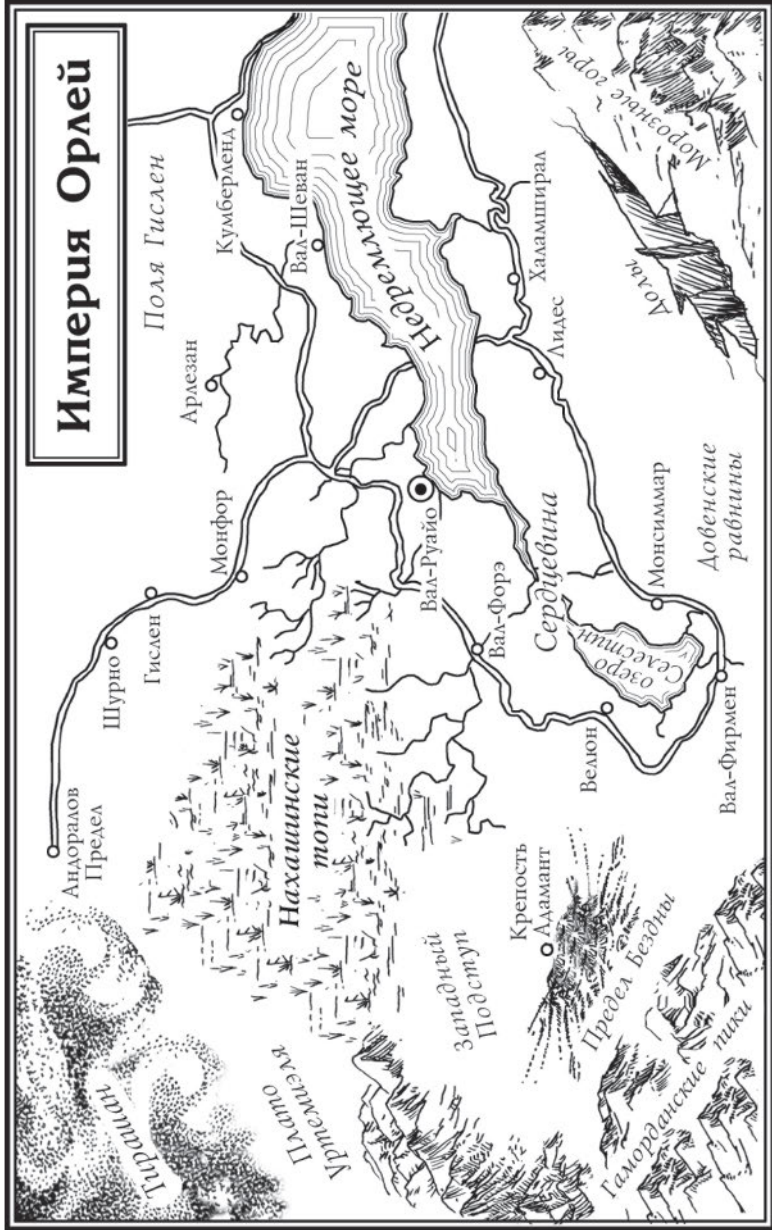

Империя Орлей

УКРАДЕННЫЙ
ТРОН

Моей Оме

Благодарности

Прежде всего я хочу выразить большую признательность вам, моя группа поддержки, — Джордан, Стеф, Даниэль и Синди. Без вас я никогда не добился бы своего.

Спасибо и вам, мои родители, пусть вы были твердо убеждены, что от всех этих игр никогда не будет проку, но все же разрешали в них играть. Вы поощряли мое воображение, а это самое важное. Я всегда буду благодарен вам обоим.

Невозможно не вспомнить добрым словом тот тяжкий труд, который команда «Dragon Age» вложила в создание этого мира. Каждый день, который я провожу в обществе этих фантазеров и творцов, прибавляет гордости за наше общее детище. Вы, ребята, изрядно облегчили мне работу.

И напоследок хочу поблагодарить компанию «BioWare» за то, что предоставила мне такой фантастический шанс, и за то, что относится к тем компаниям-разработчикам, которые верят, что в книгу стоит вкладывать средства.

Глава 1

Беги, Мэрик! Беги!
И Мэрик побежал. Предсмертный крик матери подхлестнул его, словно кнутом. Яркая и страшная картина ее гибели еще стояла перед глазами Мэрика, когда он развернулся и опрометью бросился в лес, окаймлявший прогалину. Не замечая, как ветки хлещут по лицу, цепляются за плащ, он почти вслепую продирался через чащу.

Чьи-то сильные руки обхватили его сзади. Кто-то из соратников матери или один из предателей, которые только что убили ее? Скорее всего, второе. Застонав от натуги, Мэрик двинул локтем за спину, чтобы освободиться от вражьей хватки. Не вышло — лишь очередная ветка хлестнула по лицу. Напавший потащил было Мэрика назад, к прогалине, и тогда юноша уперся ногами в землю, удачно зацепившись сапогом за узловатые древесные корни. И снова изо всей силы ударил. На сей раз локоть угодил во что-то твердое, оно тут же подалось, влажно хрустнуло — и Мэрик услышал сдавленный крик боли.

Руки, обхватившие его, разжались, и Мэрик бросился в глубину леса. И тут же его дернуло назад — это длинный кожаный плащ, зацепившись за что-то, натянулся до предела. Мэрик извернулся, забился неистово, словно дикий зверь, угодивший в западню, и в конце концов вырвался, разорвав плащ о сучковатую ветку. Хватая ртом воздух, не рискуя оглядываться, юноша метнулся в темноту между деревьями. Лес был старый, дикий, и кроны деревьев сплетались так тесно, что сквозь лесной полог проникали лишь едва заметные лучики лунного света. Разглядеть что-либо было почти невозможно, лес предстал перед глазами Мэрика зловещим лабиринтом причудливых теней и устрашающих очертаний. Огромные корявые дубы высились, словно мрачные стражи лесного царства, а в непроглядной черноте густого подлеска могло таиться что угодно.

Мэрик понятия не имел, куда бежит, — его направляло только неистовое стремление спастись. Он спотыкался о корни, перепрыгивал через поваленные деревья, которые то и дело возникали на его пути, словно ниоткуда. Под ногами было сыро и предательски скользко; Мэрик оступался, пошатывался, и тогда ему казалось, что земля вот-вот расступится и поглотит его. Сбиться с пути в этих лесах было проще

просто — можно бежать по кругу хоть целый день и ничего не заподозрить. Юноша слышал, как далеко позади перекрикиваются преследователи, а еще он отчетливо различал звуки боя. Сталь лязгала о сталь, кричали перед смертью люди — сподвижники матери Мэрика. Многих из них он знал всю свою жизнь.

Юноша бежал и бежал, не разбирая пути, и мысли его лихорадочно метались. Всего лишь несколько минут назад Мэрик ежился от холода на стылой лесной прогалине, глубоко убежденный, что его присутствие на этой тайной встрече не более чем дань ненужной формальности. И почти не обращал внимания на то, что происходит вокруг. Незадолго до этого мать сказала, что с поддержкой новых сторонников мятеж наконец-то обретет подлинный размах. Эти люди, сказала мать, готовы выступить против своих орлесианских хозяев, а это шанс, который она упускать не желает и не упустит, после того как они столько лет были вынуждены прятаться, спасаться бегством и принимать бой, только когда наверняка могли выиграть. Мэрик не стал возражать против этой встречи. Ему даже в голову не пришло, что это может быть опасно. Мать была знаменитой Мятежной Королевой — именно она подняла это восстание, именно она командовала армией. Это была ее война — ее, а не Мэрика. Сам он никогда не видел трона своего деда, не понимал, какой властью обладал его род, до того как орлесианцы вторглись в Ферелден. Все восемнадцать лет своей жизни он провел в лагерях мятежников либо отдаленных замках, в бесконечных переходах и маршах, неизменно в свите матери. Он даже представить не мог, что можно жить как-то по-другому, — сама мысль об этом была Мэрику совершенно чужда.

А теперь его мать мертва. Юноша споткнулся, потерял равновесие и кубарем покатился в темноту по влажному склону низкого холма. Неуклюже скользя по листьям, Мэрик ударился головой о камень и вскрикнул от боли. В глазах у него помутилось.

Преследователи его услышали — издали приглушенно донесся ответный крик.

Распластавшись в пронизанной лунным светом темноте, Мэрик обхватил руками голову. Ушиб горел огнем, адским пламенем боли, сводящей с ума. Какой же он дурак! Просто чудом, иначе не скажешь, ему удалось оторваться от погони, и вот — он выдал себя нечаянным криком. Пальцы стали влажными и липкими от крови. Кровь засыхала на волосах, ручейками стекала по шее. В стылом, промозгом воздухе она казалась особенно теплой.

Мэрик вздрогнул, и с губ его сорвался один-единственный вскрик. Может, так и лежать тут? Пусть приходят, пусть уничтожат и его? Мать они уже убили, заработали щедрую награду, которую, вне всякого сомнения, посулил узурпатор. Кто он такой — всего лишь еще одна

жертва, которую прикончат вместе с немногочисленной свитой матери? И тут Мэрик оцепенел, как громом пораженный мыслью, которая мелькнула на самом краю сознания.

Он — король.

Нелепо. Конечно же нелепо. Король? Мальчишка, удостоившийся столько обеспокоенных взглядов и досадливых вздохов? Сопляк, за которого матери так часто приходилось оправдываться? Она вечно твердила, что Мэрик, когда подрастет, научится командовать людьми так же хорошо, как это получалось у нее самой. Вот только ничего подобного так и не произошло. Мэрик, правда, не особенно огорчился, поскольку в глубине души не верил, что с матерью может что-то случиться. Она казалась неуязвимой, непостижимой, вечной. То, что она тоже смертна, лишь досужий вымысел, не имеющий ничего общего с реальностью.

А теперь ее нет — и он должен стать королем? Он, Мэрик, должен возглавить и продолжить мятеж против орлесианцев?

Легко представить, как узурпатор, восседающий на денеримском троне, покатится со смеху, узнав, кто стал преемником Мятежной Королевы. Нет уж, подумал Мэрик, лучше остаться здесь и умереть. Лучше быть убитым, чем стать посмешищем для всего Ферелдена. Может, сторонники матери отыщут какого-нибудь дальнего родственника, который сумеет подхватить знамя восстания. А если не сыщут — пусть род Каленхада Великого прервется здесь и сейчас. Пусть этот мятеж закончится с Мятежной Королевой, погибшей буквально в шаге от желанной цели, а не выдохнется окончательно под водительством ее никуда не годного сына.

В самой этой мысли было что-то умиротворяющее. Мэрик лежал навзничь на влажных листьях, и сырость, холодившая кожу, казалась почти приятной. Голоса преследователей, то и дело перекликавшихся друг с другом, неумолимо приближались, но юноша ухитрился их не слышать — почти не слышать. Он старался вслушиваться только в шорох ветра, перебиравшего листву в высоких кронах. Рослые деревья обступали его со всех сторон, словно тени гигантов, пренебрежительно вззирающих на ничтожного карлика, рухнувшего к их ногам. Мэрик чуял смолистый запах хвои, пряный аромат древесного сока. Эти лесные стражи станут единственными свидетелями его гибели.

Так он лежал, чувствуя, как боль уже не пылает, а настойчиво пульсирует в голове, лежал — и одна мысль неотвязно мучила его. Люди, которые обещанием помощи заманили мать в ловушку, были ферелденскими аристократами — из тех, кто предпочел покориться орлесианцам, чтобы сохранить владения. Вместо того чтобы остаться верными древней присяге, они предали законную королеву. И если никто из спутников матери не сумеет спастись, если некому будет рассказать

уцелевшим вождям мятежного войска о том, что на самом деле произошло на прогалине, они так никогда и не узнают правды. Догадаться-то догадываются, но где доказательства? И предатели никогда не заплатят за преступление.

Мэрик резко сел, и разбитая голова тут же протестующе загудела от боли. Ноющее тело сотрясала дрожь — юноша промок и продрог до костей. Определить, где он находится, было сложно, но Мэрик прикинул, что отсюда не так уж и далеко до лесной опушки. Он успел пробежать совсем немного, и преследователи тоже ненамного отстали — слышно, как они перекрикиваются, обшаривая лес. Голоса их, впрочем, становились все тише. Может, ему и не стоит куда бежать? Мэрик свалился на дно какой-то лощины, и, если затаится, преследователи, вполне вероятно, пройдут мимо, а у него будет шанс отдышаться и прийти в себя. Может быть, он даже сумеет пробраться незамеченным назад на прогалину и проверить, все ли спутники матери погибли.

Резко хрустнули сухие ветки — и Мэрик вновь замер. Мгновение — мучительно долгое мгновение — он напряженно вслушивался, но из темноты больше не донеслось ни звука. И все же ветки хрустнули под чьей-то ногой — в этом юноша был совершенно уверен. Он выжидал, не смея шелохнуться, и наконец снова услышал хруст. Только на этот раз он прозвучал тише. Кто-то явно подкрадывался.

Мэрик огляделся. Дальний край лощины, в которой он затаился, переходил в пологий склон. Лунный свет так скудно сочился сквозь густую листву, что разобрать, насколько ровная там земля, было нелегко. И в той стороне тоже были деревья, корни, густой кустарник.

Среди приглушенных криков погони и шепота деревьев Мэрик сумел различить едва уловимый звук шагов. Совсем близко чавкнули под тяжелой ногой влажные листья. Мэрик распластался на земле, почти перестав дышать. Быть может, враги не заметят его? Но рассчитывать на такое сказочное везение было глупо. У юноши не оставалось выбора — надо выбираться, уходить как можно дальше от предателей. Прочь от мрачной поляны, где осталось тело матери.

Мэрик осторожно попытался подняться. Тотчас колени и плечи пронзила острая боль. Ныли ссадины на лице и руках, исхлестанных ветками, ныл разбитый до крови затылок, но все это казалось далеким, о чем можно будет подумать потом. Юноша изо всех сил старался двигаться медленно и тихо. И все время, до боли прикусив нижнюю губу, вслушивался, не раздастся ли звук чужих шагов. Но ничего не мог различить — сердце колотилось бешено и так громко, что, казалось, его стук слышен даже на самом далеком краю леса. Быть может, враги уже сейчас, в эту самую минуту, подкрадываются ближе и потешаются над его страхом.

Обливаясь потом, несмотря на сырость и холод, Мэрик понемногу выпрямился. И тут же правое колено скрутила судорога, ударившая бо-

лью вверх по бедру. Мэрик от неожиданности зашипел сквозь стиснутые зубы и поспешно зажал рот ладонью, зажмурился, мысленно понося себя за глупость. Замерев на месте, он напряженно вслушивался в темноту. Чужие шаги стихли. Из-за деревьев донесся окрик. Слов юноша не мог различить, но это явно был вопрос: ну как, мол, нашли что-нибудь? Ответа не последовало. Тот, кто подбирался к Мэрику, не хотел выдавать себя.

Мэрик осторожно пополз вверх по склону. Шурясь до рези в глазах, он всматривался в темноту, пытаясь разглядеть хоть какое-то подобие человеческого силуэта. И представлял, как его невидимый враг проделывает до же самое. Странная и смертельно опасная игра в кошки-мышки: кто первым увидит другого — тот и выиграл. Мэрик вдруг запоздало сообразил, что, даже если первым обнаружит преследователя, вряд ли от этого будет толк. Он безоружен. На поясе болтаются пустые ножны, а кинжал юноша пару часов назад одолжил Хирэму — одному из самых доверенных командиров матери. Славный малый, которого Мэрик знал всю свою жизнь, теперь, скорее всего, валяется мертвым у ног своей королевы, и кровь их, смешавшись, застывает в промозглой полночи... Мэрик мысленно отругал себя за глупость и постарался выбросить из головы эту картину.

Тогда-то он и заметил, как в темноте что-то блеснуло. В густой тени рассмотреть человека было невозможно, но стальной меч отразил слабый лунный свет. Теперь Мэрик точно знал, где находится противник.

Не отводя взгляда от того участка темноты, Мэрик поднял руки и, ухватившись за скользкий корень, бесшумно подтянулся. Руки и плечи отозвались страшной болью, но юноша не обратил на нее внимания. В тот самый миг, когда он выбрался на ровную поверхность, клинок в руке незнакомца пришел в движение. Черная тень крадучись двинулась к нему, с угрожающим ворчанием занося меч.

Не задумываясь Мэрик метнулся вперед. Вражеский меч свистнул у него над ухом, едва не задев плечо. Мэрик с разгону врезался головой в противника, ударил под дых. Голова взорвалась нестерпимой болью — кольчуги в Ферелдене делать умели. С тем же успехом он мог бы боднуть ствол дерева. Мир перед глазами завертелся колесом. Мэрик потерял равновесие, но и его противник тоже не удержался на ногах. Они разом повалились на твердую бугристую землю. Падая, мечник помимо воли откинул правую руку, и клинок, вывернувшись из пальцев, отлетел в темноту.

Полуослепший от боли, почти обезумевший, Мэрик обеими руками схватил противника за голову. Пальцы его впились в толстую, поросшую жесткой щетиной щеку. Мужчина неистово махал руками, пытаясь оттолкнуть Мэрика. Попробовал закричать, чтобы позвать на помощь сообщников, но из горла вырвался только сдавленный рев. Юноша с силой ударил противника головой о корень. Мечник застонал.

— Сволочь! — прошипел Мэрик.

Противник сопротивлялся, бил, пытаясь дотянуться до лица. Не обращая внимания на ушибы и ссадины, Мэрик изо всей силы приложил врага затылком о корень еще раз. Тот взвыл от боли, попытался оттолкнуть юношу, но тяжелая кольчуга сковывала движения. Он отчаянно извивался, но Мэрик не собирался сдаваться.

Голова Мэрика раскалывалась от мучительной боли, ныла от напряжения вытянутая до предела шея. На секунду он расслабился, и бородатый мечник не упустил такого шанса. Тяжелый кулак врезался в скулу с такой силой, что из глаз у Мэрика брызнули звезды, голова пошла кругом. Борясь с подступающим беспамятством, он в третий раз ударил противника. Изо всей силы.

— Вы ее убили! — кричал он. — Вы убили ее, сволочи!

Удар, еще удар. Он снова и снова бил врага, не в силах остановиться. В глазах Мэрика стояли слезы, и каждое слово давалось ему с трудом.

— Она была ваша королева, а вы убили ее!

Наконец мечник затих. Руки Мэрика были липкими от крови — чужой крови. Юноша скатился с обмякшего тела, неуклюже отполз назад. Окровавленные ладони скользили по палой листве, боль в ногах вспыхнула с новой силой. Он ожидал, что враг сейчас вскочит и снова набросится на него. Но неподвижное, едва видимое в темноте тело так и валялось на земле, неловко распластавшись на выпирающих из земли корнях. Огромный дуб высился над лежащим, словно великанское надгробие.

Мэрику было дурно, все тело сотрясала дрожь. Он поднес руки к лицу и, не сдержавшись, согнулся в три погибели. К окровавленным ладоням прилипли клочки волос и кожи. Этого юноша не выдержал, и его вырвало на вязкую землю остатками сегодняшнего скудного завтрака. Отчаяние, казалось, вот-вот поглотит его с головой.

«Ты король», — напомнил себе Мэрик.

Королева Мойра, мать Мэрика, была сильной, способной вести армию к победе. До кончиков ногтей она была истинной дочерью своего отца — так говорили все. Она вдохновляла мятежников, и те ни на минуту не сомневались в незыблемости ее прав.

«А теперь ее нет, и король — ты», — вновь и вновь твердил себе Мэрик. И по-прежнему все никак не мог в это поверить.

Отдаленная переключка преследователей снова зазвучала громче. Быть может, предатели все же услышали шум драки. Надо уходить. Бежать, бежать, не останавливаясь. Вот только Мэрик никак не мог заставить ноги двигаться. Он сидел в темноте ночного леса, держа перед собой выпачканные кровью руки, будто понятия не имел, что еще с ними сделать.

Сейчас юноша был способен думать только об одном — о дне последней битвы. На матери были доспехи, она была с ног до головы по-

крыта кровью, и на губах ее играла отчаянная ухмылка. Наставник Мэрика приволок его пред материнские очи за драку с мальчишкой-простолудином. С матерью был эрл Рендорн, который спросил, сумел ли Мэрик по крайней мере одержать победу. Сгорая от стыда, юноша сознался, что потерпел сокрушительное поражение, и тогда эрл, презрительно фыркнув, осведомился: и какой же, мол, в таком случае выйдет из него король?

А мать разразилась веселым смехом — смехом, который мог развеять любую беду. Она взяла Мэрика за подбородок и, глядя ему в глаза, ласковым голосом сказала: «Ты зеница моего ока, и я в тебя верю».

От горя Мэрик готов был разрыдаться. Мать в него верила, а он ухитрился за какие-то полчаса безнадежно заблудиться в лесу. Даже если он сумеет ускользнуть от погони, выбраться из леса и добыть себе другого коня — как найти мятежную армию? Он так привык, что его все время куда-то ведут, говорят, куда надо ехать, что совсем не обращал внимания на дорогу. Он просто делал то, что велели, и только. А теперь он даже не представлял, где находится.

«Так встретил свой конец последний истинный король Ферелдена, — с угрюмым весельем подумал Мэрик. — Он хотел быть хорошим королем, но не мог отличить задницу от дырки в земле».

С огромным трудом Мэрик заставил себя собраться. Не самое подходящее время размышлять о прошлом или горевать. Он только что голыми руками убил человека, и другие враги неподалеку. Надо бежать. Мэрик глубоко вдохнул и зажмурился. Нужно успокоиться и собраться хотя бы ненадолго.

Он открыл глаза и понял, что готов.

Мэрик хладнокровно огляделся в поисках меча, но ничего не мог рассмотреть. Из темноты донесся еще один оклик — и на сей раз он прозвучал гораздо ближе. Надо было спешить.

Мэрик осторожно поднялся на ноги, вслушался, пытаясь понять, откуда доносятся голоса, и решительно двинулся в противоположном направлении. Ноги, покрытые синяками, то и дело скручивала судорога, и вполне вероятно, что пара-другая костей была сломана, но юноша не обращал внимания на боль. Напрягая силы, хватаясь за низко растущие ветки, он волок свое измученное тело все дальше и дальше в темноту.

Они за все заплатят, за все. Если Мэрик станет королем, он заставит их расплатиться за все.

— Что-то там происходит, — хмурясь, пробормотал Логейн.

Он стоял на опушке леса, рассеянно стирая грязь с кожаных штанов. Напрасный труд — одежда браконьеров никогда не бывает чистой. У орлесианцев, само собой, были для Логейна и ему подобных другие

прозвища: преступники, воры, разбойники. Но этих людей мало заботило, кем их считают захватчики.

Орлесианцы были твердо убеждены, что владеть землей могут только их спесивые разряженные дворянчики, и неудивительно, что они не слишком благосклонно отнеслись к вольным землепашцам Ферелдена. Заполучив трон, император Орлея изобрел добавочный «налог». Отец Логейна в первый год как-то исхитрился наскрести денег, а потом захватчики, ясное дело, решили, что грабительская сумма должна быть увеличена. Семья Логейна оказала сопротивление — и вот теперь они живут в глуши ферелденских лесов с другими такими же изгоями, пытаясь кое-как выжить.

Логейна, может, и не заботило, что именно думают о нем орлесианцы, но зато он весьма усердно заботился о том, чтобы не угодить под стражу. Местный констебль в Лотеринге был ферелденец, а потому до сей поры относился к шайке терпимо. Пока они не напали на путников и воровали только по мелочи, констебль делал вид, что старается их изничтожить. Логейн, однако, понимал, что рано или поздно этот человек будет вынужден взяться за них всерьез, и надеялся только, что у констебля хватит благородства предупредить об этом заранее. Тогда они переберутся в другое место, как уже поступали не единожды. В конце концов, в Ферелдене лесов и холмов предостаточно, чтобы укрыть целую армию, — это знает даже Мятажная Королева. Но что, если констебль не станет их ни о чем предупреждать? Именно эта мысль сейчас грызла Логейна, именно она вынуждала вглядываться в темноту леса. Люди далеко не всегда могут поступать так, как им хочется.

С поля подул промозглый ветер, и Логейн зябко поежился. Стемнело уже давно, и в ясном ночном небе сияла луна. Он отбросил с глаз пряди черных волос, с отвращением подумав, что волосы у него немногим чище одежды, и натянул на голову капюшон. Весна в этом году больше смахивала на затянувшуюся зиму. Холодными ночами Логейн и его товарищи мерзли в самодельных палатках, но и такое жилье уютнее тюремной камеры.

К Логейну подошел Дэннон — верзила подозрительной наружности. Логейн догадывался, что в прошлом тот был вором — из тех любителей чужого добра, что промышляют в больших городах, шаря по карманам и грабя неосторожных путников, — и что оказался он в шайке изгоев потому, что карманник и грабитель из него вышел никудышный. Впрочем, не Логейну было его судить. Все они трудились, как могли, и Дэннон вполне добросовестно исполнял свою долю работы. Но это вовсе не значило, что Логейн должен приязненно к нему относиться.

— Ты что это там бормочешь? Увидел чего?

Дэннон почесал крючковатый нос, поправил висевшие на плече тушки. Нынче на ужин у них три кролика, добытые в угодьях некоего

лорда. Охотиться в темноте нелегко, особенно когда все время думаешь не столько об охоте, сколько о том, как бы никому не попасться на глаза, но все-таки на этот раз им повезло.

— Я сказал — что-то там происходит, — повторил Логейн с раздражением. Развернувшись, он вперил гневный взгляд в Дэннона, и тот отступил на шаг. Такое Логейну было не в диковинку. Ему не раз говорили, что взгляд его холодных светло-голубых глаз точно отталкивает людей. Юношу это вполне устраивало. Большинство изгоев, и особенно Дэннон, до сих пор считали его желторотым юнцом, и он не хотел, чтобы этому типу взбрело в голову отдавать ему приказания. — Хочешь сказать, что ничего не заметишь?

Дэннон пожал плечами:

— Видел я кой-какие следы. Сдается мне, по округе шастают солдаты.

— И тебе не пришло в голову, что это может быть важно?

— Ха! — Дэннон закатил глаза. — Так ведь Каролин в деревне говорила уже насчет солдат. Мол, она сама вот только нынче утром видела, как по северному полю проехал с малым отрядом банн Сеорлик.

Услышав это имя, Логейн нахмурился:

— Сеорлик — лизоблюд. Всем известно, что он душу запродаст, только бы получить объедки с императорского стола.

— Ну да, так вот, Каролин видела, как он ехал напрямик через поле, подальше от дороги и даже в трактир не завернул. Не хотел, чтобы его заметили, — точь-в-точь как мы. — Дэннон указал на тушки кроликов, которые нес на плече. — Слушай, что бы там ни затеял Сеорлик, нас это точно не касается. Никто не видел, как мы охотились. Мы молодцы, а теперь пора уходить. — Он улыбнулся нервно и с неискренним дружелюбием, явно стараясь убедить Логейна.

Дэннон его боялся. И юношу это вполне устраивало.

Он снова перевел взгляд в глубину леса, рукой нашарил эфес висевшего на поясе меча. Дэннон заметил это движение и скорчил гримасу. С кинжалом он управлялся недурно, но клинки покрупнее были ему не по плечу.

— Ай, да пойдем уже! — проворчал он. — Нечего нарываться.

— Я не намерен искать неприятностей, — жестко сказал Логейн. — Я намерен их избежать. Ты не хуже меня знаешь, что мы проторчали на этом месте слишком долго.

— Это уж не тебе решать, — буркнул Дэннон, но тем не менее прикусил язык и двинулся вслед за Логейном.

Решать, в конце концов, предстояло Логейнову отцу, но даже такой тип, как Дэннон, прекрасно знал, что отец и сын редко расходились во мнении. Как и должно быть.

Браконьеры углубились в ночной лес, лишь ненадолго остановившись, чтобы глаза привыкли к скудному лунному свету. Дэннон все

сильнее злился, оступаясь и поскальзываясь, но, по крайней мере, у него хватало ума злиться молча. В свою очередь, Логейн все больше склонялся к тому, что его неуклюжий напарник, возможно, был прав.

Он уже готов был повернуть назад, но тут Дэннон резко остановился.

— Слышишь? — прошептал он.

«Хороший слух», — подумал Логейн.

— Звери?

— Да нет. — Дэннон без особой уверенности помотал головой. — Вроде как кричат.

Они замерли на месте, и Логейн прислушался. В высоте шелестела под ветром листва, и этот шорох был изрядной помехой, но все же скоро он расслышал то, о чем говорил Дэннон. Пусть едва различимые, но, без сомнений, это были голоса людей.

— Охота на лис, — пробормотал он.

— Чего?

Логейн закатил глаза и глубоко вдохнул.

— Ты был прав, — отрывисто бросил он. — Они ищут здесь не нас. Дэннону эта новость явно пришлась по душе. Он поправил кроличьи тушки на плече и повернулся, чтобы уйти.

— Ну так и нечего тут болтаться. Поздно уже.

Логейн, однако, все еще колебался:

— Ты сказал, что северным полем проехал банн Сеорлик. Как потвоему, много с ним было солдат?

— Мне-то почему знать? Я их не видел.

— А что сказала на сей счет твоя трактирная шлюшка?

Здоровяк пожал плечами, но спина его словно закаменела от едва сдерживаемой ярости. Логейн с отстраненным интересом отметил для себя, что задел напарника за живое. Неужели у него шашни с той девичьей? Не то чтобы Логейна это и впрямь заботило, однако он предпочитал не дразнить спутника без нужды.

— Не знаю, — процедил наконец Дэннон. — Она ничего не сказала. Вроде бы немного.

Логейн прикинул, что по лесу сейчас бродит человек двадцать, не меньше. Ясное дело: если бы банн Сеорлик появился с таким отрядом возле Лотеринга, об этом судачили бы гораздо больше. Что же на самом деле происходит? То, что в этом замешан один из тех ферелденских аристократов, Логейну совершенно не нравилось. Что бы там ни затеяли Сеорлик и его люди, шайке изгоев это ничего хорошего не сулит... даже если и не коснется их напрямую.

Стоя в гуще леса и стараясь не замечать растущего нетерпения Дэннона, Логейн в глубине души признавал, что в любом случае он, скорее всего, ничего не сможет поделать. Перипетии ферелденской политики

были ему совершенно безразличны. Выжить — вот единственное, что его волновало. Логейн раздраженно вздохнул, так упорно уставясь в темноту, словно именно в ней таилась разгадка этой тайны.

Дэннон хмыкнул:

— Ты, когда так вздыхаешь, точь-в-точь твой папаша.

— Кажется, я впервые услышал от тебя комплимент.

Верзила презрительно фыркнул и одарил Логейна уничтожающим взглядом.

— Это вышло нечаянно, — буркнул он и сплюнул на землю между собой и Логейном. — Слушай, как ты сам сказал, нас это не касается. Может, уже пойдем, а?

Логейну не нравилось, когда оспаривали его мнение. Он ответил Дэннону таким же уничтожающим взглядом и сделал долгую паузу.

— Хочешь — уходи, — негромко и твердо проговорил он.

Дэннон не тронулся с места, хотя нервно переступил с ноги на ногу. Логейн почти явственно ощущал, как его спутник в темноте подумывает о своем ноже и гадает, придется ли пустить его в ход и как в таком случае вернуться в лагерь. Логейн почувствовал соблазн подтолкнуть ход событий. Ему захотелось встать перед Дэнноном и смерить его взглядом с головы до ног. Быть может, у верзилы достанет духу схватиться за нож и попытаться его прикончить.

Воцарилось долгое напряженное молчание, и прерывали его только шум ветра в кронах деревьев да отдаленные выкрики охотников. Логейн сузил глаза, даже не притронувшись к рукоятки меча, и испытал удовлетворение, когда Дэннон первым отвел взгляд.

В этот миг до них донесся звук приближавшихся шагов.

Дэннон с готовностью ухватился за этот повод отвлекаться, как если бы их с Логейном противостояния и не было вовсе.

Кто-то торопливо и неуклюже продвигался по лесу прямо к ним. Кто бы это ни был, он продирался через кусты напролом, расталкивал ветки, в панике напрочь позабыв об осторожности. Лиса, что ли? И конечно же, ей непременно надо было выскочить прямо им под ноги. Если Создатель, как утверждают священники, и впрямь обитает где-то на небесах, у Него воистину неприятное чувство юмора.

Дэннон отступил на пару шагов. Логейн, вынув из ножен меч, выжидал. Пришелец вывалился из зарослей и замер, уставясь на браконьеров круглыми от страха глазами.

Он оказался совсем молод, ровесник Логейна, а то и моложе. Белокурые волосы и бледное лицо были заляпаны грязью и — весьма обильно — кровью, и вдобавок в волосах запутались листья, а лицо покрывали свежие царапины. Одет он был явно не для беготни по лесной чаще — одна лишь рубашка, изорванная и покрытая таким слоем грязи, словно добрую часть пути он удирает от своих неведомых преследовате-

лей ползком. Руки беглеца тоже были в крови, и похоже, не только его собственной. Кто бы ни был этот человек, ему пришлось убить ради спасения своей шкуры. Логейн понял, что белокурый пришелец был доведен до грани отчаяния.

Сейчас он припал к земле, застыв, точно дикий зверь, раздираемый нелегким выбором — обратиться в бегство или драться. Голоса, перекликавшиеся у него за спиной в глубине леса, неумолимо приближались. Логейн медленно поднял руку, показал беглецу открытую ладонь — знак мирных намерений — и вернул меч в ножны. Белокурый юноша не шелохнулся, только недоверчиво сузил глаза. И опасно метнул взгляд за спину, в гущу леса, откуда вновь донеслись приглушенные выкрики.

— Сматываться надо! — прошипел Дэннон за спиной у Логейна. — Щенок как пить дать наведет их прямо на нас!

— Погоди, — шепнул в ответ Логейн, не отрывая взгляда от беглеца. Дэннон вспыхнул от злости, и краем глаза Логейн заметил, что в руке его блеснул нож. Примирительно раскинув руки, чтобы успокоить их обоих, Логейн снова сосредоточил все свое внимание на окровавленном, припавшем к земле незнакомце. — Кто за тобой гонится? — с расстановкой спросил он.

Светловолосый облизал губы, обдумывая ответ.

— Орлесианские псы, — медленно проговорил он.

Логейн искоса глянул на Дэннона. Здоровяк скорчил гримасу, но все же было заметно, что участь светловолосого беглеца не оставила его совсем равнодушным. Дэннон, конечно, превыше всего на свете ценил свою собственную кожу, но в конце концов он, что-то проворчав, смягчился.

— Хороший ответ. — Логейн отступил на шаг и повернулся, как бы собираясь уходить. — Пойдешь с нами.

Дэннон горестно ругнулся, сунул нож в ножны и, упорно глядя себе под ноги, зашагал прочь. Логейн демонстративно двинулся за ним, но между тем зорко следил, последует ли за ними незнакомец. Тот с минуты колебался, явно раздираемый сомнениями, но все-таки с решительным видом вскочил и побежал следом.

Все трое без лишнего шума двинулись назад тем же путем, которым Логейн и Дэннон пришли в лес. Светловолосый юноша шел последним, а Дэннон неизменно держался впереди, как если бы готов был и вовсе бросить спутников и спастись. Напряженная спина здоровяка выражала возмущение и злость. Логейну на это было глубоко наплевать.

Они шли быстрым шагом, и скоро голоса преследователей остались далеко позади. Незнакомец вздохнул с облегчением. Когда они вышли на опушку, Логейн внимательнее присмотрелся к новому спутнику, и итог осмотра его озадачил. Одежда юноши, пусть изодранная и гряз-

ная, была явно добротной, если не сказать — шегольской. Особенно отличались хорошей выделкой сапоги из превосходной кожи — точно такие Логейн видел на храмовниках. Да уж, это совершенно точно не нищий. Кроме того, он весь дрожал и вскидывался на каждый звук, доносившийся из леса, — стало быть, подобная прогулка была для него в новинку.

— Постой, Дэннон! — вполголоса окликнул Логейн и остановился.

Здоровяк подчинился с явной неохотой. Логейн повернулся к светловолосому юноше. Тот попятился. Подозрения вспыхнули в нем с новой силой, и взгляд его метался от Логейна к Дэннону, как если бы он пытался понять, кто из них бросится на него первым.

— Думаю, на этом мы и расстанемся, — скрепя сердце проговорил Логейн.

— Хвала Создателю! — пробормотал Дэннон.

Светловолосый юноша на минуту задумался, огляделся по сторонам, словно прикидывая, где находится. С опушки, с того места, где они стояли, поле, примыкавшее к лесу, было видно как на ладони.

— Пожалуй, отсюда я и сам смогу добраться, куда нужно.

Выговор светловолосого был Логейну незнаком, но, судя по манере говорить, этот человек явно получил недурное образование. Быть может, он сын купца?

— В самом деле? — Логейн жестом указал на изодранную одежду юноши, отметив для себя, что у того нет даже плаща. — Ты, скорее всего, замерзнешь насмерть, прежде чем доберешься до города. — Логейн выразительно изогнул бровь. — Если, конечно, ты и впрямь хочешь пойти в город, когда за тобой гонятся.

— А почему, кстати, за тобой гнались? — осведомился Дэннон и решительно встал рядом с Логейном.

Светловолосый юноша помедлил, глядя то на Логейна, то на Дэннона, словно определял, кому из них отвечать. Затем он опустил взгляд на свои руки и будто только сейчас, в лунном свете, увидел на них кровь. Как он ни пытался скрыть свои чувства, его передернуло от отращения.

— Думаю, я убил одного из них, — прошептал он.

Дэннон понимающе присвистнул:

— Тогда они так просто не отвяжутся.

Логейн сдвинул брови:

— Я так понимаю, это были люди банна Сеорлика?

— Не только, — без особой охоты ответил юноша. — Они убили... моего друга.

Гримаса боли, исказившая лицо, яснее слов сказала Логейну, что по крайней мере эти слова незнакомца — чистая правда. Юноша зажмурился, снова задрожав всем телом, и безуспешно попытался сте-

реть кровь с лица. Логейн искоса глянул на Дэннона, и здоровяк в ответ лишь пожал плечами. Какова бы ни была история незнакомца, Логейн сильно сомневался, что они услышат ее целиком. А может, в этом и вовсе не было нужды. Не впервые на их пути встречается человек, который навлек на себя немилость орлесианцев. И будь Логейн на месте беглеца, он тоже не стал бы излишне доверять первым встречным. Юноше явно было что скрывать, однако браконьер нутром чуял: кто бы ни был этот человек, он не лжет. А чуть подводило Логейна крайне редко.

— Послушай, — Логейн тяжело вздохнул, — мы не знаем наверняка, кто за тобой гнался. Ты говоришь — прислужники орлесианцев. Я готов поверить тебе на слово. — Светловолосый хотел было возразить, но Логейн предостерегающе вскинул руку. — Кто бы они там ни были, их, судя по всему, немало. Довольно скоро они сообразят, что ты выбрался из леса. И искать тебя двинутся первым делом в Лотеринг. Тебе есть куда еще податься?

Юноша опустил голову, помрачнел.

— Нет... пожалуй что, некуда. — Он стиснул зубы, исподлобья глянул на Логейна. — Но я справлюсь.

На мгновение Логейн и впрямь поверил, что это так. То есть никуда он, конечно, не доберется, но попытается. Упрямство это, глупость или нечто иное — Логейн определить не мог.

— У нас есть лагерь, — напрямую сказал он. — В укромном месте.

— Ты и твой спутник... вы не обязаны были мне помогать. Я понимаю это. Я вам благодарен. — Юноша явно колебался. — В этом нет необходимости.

— По крайней мере, мы наверняка подыщем тебе какой-нибудь старый плащ. Ты отмоешься, почистишься... меньше будешь бросаться в глаза. — Логейн пожал плечами. — Или отправляйся своей дорогой. Тебе решать.

Светловолосый поежился, вновь задрожав от холода, — с поля дунул пронизывающий ветер. Он растерян, мельком подумалось Логейну, беспомощен, словно щепка в бурном водовороте событий. Судьба может устроить поганую каверзу именно тогда, когда этого меньше всего ожидаешь, — уж это Логейн очень хорошо знал. И видел, что с его собеседником произошло то же самое, хоть особого сострадания к нему не испытывал. Кроме предложения пойти с ними, светловолосый от него больше ничего не дождался.

— Дыхание Создателя! — фыркнул Дэннон. — Парень, да ты только глянь на себя! Можно подумать, у тебя есть другой выход!

Логейн с сомнением глянул на здоровяка:

— Быстро же ты запел по-другому!

— Ха! Это ведь ты, а не я потащил его с нами. А раз уж так вышло, пусть идет и в лагерь, почему бы нет? — С этими словами он круто раз-

вернулся и зашагал прочь, бросив на ходу: — Если так мы скорее доберемся до костра, то я всей душой за.

Юноша усталился себе под ноги, и вид у него был неловкий и пристыженный.

— У меня... у меня нет при себе ничего ценного, — пробормотал он. И, чуть помедлив, добавил: — Я имею в виду — чтобы расплатиться с вами.

На самом деле, конечно, он хотел сказать: «У меня нечего грабить».

— Да уж, это видно невооруженным взглядом.

На это светловолосый не нашелся что сказать и лишь неуклюже кивнул.

Логейн мотнул головой в сторону Дэннона, который уже успел отойти на изрядное расстояние:

— Давай-ка его нагоним, пока он не свалился в какую-нибудь яму. — Он сделал шаг вперед и протянул руку. — Меня зовут Логейн.

Юноша на долю секунды замялся, затем пожал протянутую руку:

— Хирэм.

Имя, конечно, фальшивое. Логейн на миг задумался, не совершает ли он непоправимую ошибку. До сих пор чутье его не подводило, но ведь все когда-нибудь случается в первый раз. А впрочем, кости брошены, не переиграешь. Логейн кивнул Хирэму, повернулся, и они бок о бок двинулись прочь из леса.

Глава 2

Мэрик проснулся, твердо убежденный, что он снова в лагере мятежников, а все происшедшее — просто дурной сон, навеянный прокисшей похлебкой. Наверняка в комнату вот-вот ворвется мать и попеняет ему за то, что так заспался. Мэрика охватило почти осязаемое облегчение... но в тот же миг он осознал, что ошибся. Одеяло, которым он был укрыт, оказалось ветхим и вдобавок пропахло плесенью, да и комната, где он спал, была совсем незнакомая — не комната, а жалкая клетушка. Ушибы и ссадины, заработанные прошлой ночью, тоже дали о себе знать. Постепенно Мэрик вспомнил все.

Не единожды за время ночного путешествия тот, кто назвался Логейном, уверенно объявлял, что за ними следят. Это донельзя раздражало верзилу по имени Дэннон, поскольку Логейн всякий раз требовал свернуть с намеченного пути и долго плестись в обход. Мэрик был совсем не против лишних предосторожностей, однако к тому времени, когда они добрались до предгорий, он едва держался на ногах. Добрых два часа брели они в темноте, продрогнув до костей и за всю дорогу перекинувшись едва ли парой слов. Как добрались до самого лагеря,

Мэрик помнил смутно. Зато в памяти хорошо отпечаталось удивление — сколько грязных и ветхих палаток было рассыпано среди валунов и кустарника. Он-то ожидал увидеть от силы горстку изгоев, но в этих горах, похоже, укрывалась от преследований целая община. Мэрик почти не помнил косых взглядов и перешептываний за спиной. Сон, в котором он так отчаянно нуждался, подкрался совсем близко и властно предъявил права на его изнуренную плоть.

От воспоминаний Мэрика отвлек едва слышный плеск. Он открыл глаза и тут же зажмурился: в крохотное оконце бил нестерпимо яркий полуденный свет. Все расплывалось перед глазами, в голове пульсировала неотвязная ноющая боль. Мэрик поморгал, глаза понемногу привыкли к освещению. Он припомнил, что в лагере было только одно строение — крохотная, сложенная из бревен хижина, в которой никак не могло быть больше одной комнаты. Судя по всему, именно там Мэрик сейчас и находился. Обстановка здесь была скудная — шаткая кровать, стол да пара кучек чего-то, что здорово смахивало на грязное тряпье. Единственным украшением комнаты была резная картинка, висевшая над кроватью: пламенное солнце, заключенное в круг. Святой символ.

Мэрик расправил плечи, стараясь справиться с болью. Он с удивлением отметил, что лежит под одеялом в одних подштанниках.

— Я тебя разбудила?

Голос донесся откуда-то сбоку. Мэрик повернул голову и лишь сейчас сообразил, что женщина все это время стояла на коленях рядом с ним, у кровати, и полоскала тряпку в тазу с водой.

— Прошу прощения. Я стараюсь не слишком шуметь.

Говорила она степенно и добродушно, а красное одеяние говорило о ее принадлежности к Церкви. Мэрику не часто доводилось бывать в храмах — Церковь давным-давно приняла сторону узурпатора, — однако мать все равно настояла, чтобы он получил должное образование в этой области. Мэрик, как и все ферелденцы, верил в Создателя и чтил жертву Его первой супруги и пророчицы Андрасте. И уж конечно, с первого взгляда мог распознать служителя Церкви. Что делает эта женщина здесь, в лагере изгоев?

— Ваше... преподобие? — Голос Мэрика больше смахивал на хрипкое карканье, он откашлялся, отчего боль в голове запульсировала еще сильнее.

Мэрик громко застонал и откинулся на подушку — комната так стремительно закружилась перед глазами, его затошнило.

Женщина сочувственно хихикнула:

— Ох нет, ради всего святого! Незачем меня так величать.

Теперь Мэрик мог лучше разглядеть ее. Годы оставили отпечаток, но в целом обошлись с ней милостиво. Ее вьющиеся светлые волосы давно поседели, вокруг усталых глаз сеткой залегли морщины. И все-

таки без труда можно было понять, что когда-то, очень давно, эта женщина была красавицей. Помимо церковного облачения, на ней был золотой медальон — крест Андрасте, обрамленный священным пламенем. Перехватив взгляд Мэрика, женщина улыбнулась:

— Увы, я уже давным-давно лишилась своего места в церковной иерархии.

Она отжала грязную тряпку и вновь принялась протирать его лицо. Прикосновение влаги было прохладным и освежающим, Мэрик прикрыл глаза, покорно принимая заботу. Когда она наконец остановилась, юноша коснулся ее руки:

— Долго я так... провалялся?

Женщина помолчала, глядя на него усталыми серыми глазами. Во взгляде ее светилось сочувствие, но и подозрение.

— Да почти что весь день, — наконец ответила она. Затем ободряюще улыбнулась и ладонью отвела со лба Мэрика пряди растрепанных волос. — Да ты не тревожься, паренек. Что бы ты там ни натворил, здесь тебе пока что ничего не грозит.

— А где это «здесь»?

— Так Логейн тебе ничего не сказал? — Женщина вздохнула и вновь погрузила тряпку в таз, отчего вода тотчас за клубилась красным. — Ну да чего еще от него ждать? Из этого мальчишки слова не вытянешь. Вылитый отец. — Она весело глянула на Мэрика, словно давая понять, что иного объяснения и не требуется. — Мы в Южных Холмах, у самой окраины Диких земель. Впрочем, думаю, это ты и так знаешь.

Женщина осторожно протерла мокрой тряпкой затылок Мэрика — и он передернулся, пронзенный новым приступом острой боли. Мэрик постарался не думать, насколько сильно ему досталось.

— Названия у этого места нет. Мы просто остановились здесь на время, вот и все. Те, кто живет в нашем лагере, по большей части просто пытаются выжить.

— Как это знакомо... — пробормотал Мэрик.

Тем не менее он сомневался, можно ли на самом деле сравнивать его жизнь с существованием, которое влачила шайка изгоев. Даже будучи в изгнании, Мэрик и его мать повсюду, где бы ни прятались, могли рассчитывать на приличные условия. Отдаленные замки, аббатства, укрытые в горах... Всегда находился какой-нибудь дворянин, готовый предоставить им кров, или просто доброхот, который обеспечивал их в походе просторным шатром. Мэрик всегда горько сетовал на тяготы такого существования, на лишения, скуку и отсутствие свободы. Судя по нищете, которая бросилась ему в глаза по прибытии в этот лагерь, здешние обитатели сочли бы Мэрика везунчиком. И наверное, были бы недалеко от истины.

— Все мы подчиняемся Гарету, и с каждым годом наше число растет. Похоже, в мире никогда не будет недостатка в отчаявшихся душах, которым больше некуда податься. — Женщина вновь легонько ошупала голову Мэрика и нахмурилась. — Гарет — это отец Логейна, если ты с ним еще не знаком.

— Не знаком.

— Так познакомишься. — Она опять отжала тряпку, и на сей раз по воде расплылись темные, зловещего вида струйки. Интересно, его голова выглядит совсем кошмарно? — Меня зовут сестра Эйлис.

— А меня — Хирэм.

— Ну да, мне так и сказали. — Она кивком указала на руки Мэрика. — Думаю, ты будешь не против их отмыть.

Мэрик опустил взгляд на свои ладони — они все так же были почти по локоть в грязи и запекшейся крови. Без единого слова он взял у женщины мокрую тряпку.

— У тебя на руках немало крови, — многозначительным тоном заметила сестра Эйлис.

— Это не моя кровь. По большей части.

Священница смотрела на него бесстрастно и испытующе:

— И что ты об этом думаешь?

Мэрик медленно отмывал руки, целиком сосредоточившись на этом занятии. Он понимал, о чем она спрашивает. Там, в лесу, его первым порывом было скрыть, кто он такой, и, наверное, этот порыв был правильным. В конце концов, сестра Эйлис сама сказала — «отчаявшиеся души». Мэрик понятия не имел, сколько заплатил бы за его голову узурпатор, но наверняка такую сумму, что этим людям и не снилась. Можно только гадать, сколько монет понадобилось, чтобы тот меч пронзил грудь его матери...

— Он напал на меня. Я защищался. — Даже для самого Мэрика его голос прозвучал безжизненно и фальшиво. — Они убили мою мать.

Оттого что он произнес эти слова вслух, поверить в них оказалось ничуть не проще.

С минуту священница молчала, пронзительно глядя на него.

— Да примет ее Создатель, — смягчившись, напевно проговорила она.

Мэрик поколебался.

— Да примет ее Создатель, — повторил он, и голос его вдруг стал сильным от горя.

Сестра Эйлис понимающим жестом накрыла ладони юноши своими. Мэрик отдернул руки, и вышло это резче, чем ему хотелось, но она не сказала ни слова. Воцарилось долгое неловкое молчание. Мэрик уставился на свои наполовину отмытые пальцы. Женщина отобрала у него пропитанную кровью тряпку и выполоскала ее в тазу.

Юноша неуклюже попытался сменить тему:

— Если ты служительница Церкви, что же ты делаешь здесь?

Сестра Эйлис улыбнулась, кивнув с таким видом, словно слышала этот вопрос уже тысячу раз:

— Когда Создатель вернулся в мир, Он избрал себе невесту, которая должна была стать Его пророчицей. Мог бы Он обратить взор на империю, славную богатством своим и могущественными магами, на цивилизованные страны Запада или города северного побережья. Однако же привлекло Его варварское племя, живущее на самом краю Теда-даса.

— И так пал взор Создателя на Андрасте, — тут же подхватил Мэрик, — на отверженную скиталицу, коей суждено было стать Его невестой. Ее устам суждено было изречь Песнь Света, ее волею и велением суждено было явиться в мир легионам праведности.

— О, да ты образованный? — Сестра Эйлис явно была впечатлена, но Мэрик мысленно выругал себя за неумное желание покрасоваться. Женщина бережно приподняла на ладони священный символ, который висел у нее на груди, глянула на него с нежностью, словно на старинного друга. — Люди порой забывают, что Ферелден не всегда был таким, как сейчас, — родиной пророчицы Создателя. Когда-то его поносил и презирал весь цивилизованный мир. — Она мягко улыбнулась, и глаза ее заблестели. — Порой наивысшую драгоценность можно отыскать там, где меньше всего ожидаешь найти.

— Но ведь эти люди...

— Преступники? Воры? Убийцы? — Сестра Эйлис пожала плечами. — Я здесь затем, чтобы наставить их и, насколько хватит моих слабых сил, помочь их борьбе. Что бы ни натворил в своей жизни каждый из них, судить его деяния дано лишь Создателю, и только Ему.

— Магистры тоже судили деяния Андрасте. И если помнишь, сожгли ее на кресте.

Женщина лукаво хихикнула:

— Да-да, где-то я об этом уже слышала.

Их разговор прервало появление Логейна. Сейчас он выглядел куда опрятнее, чем ночью. Кожанный доспех с заклепками выглядел внушительно, а большой лук, висевший на плече, — и вовсе устрашающе. Недурное снаряжение для браконьера, подумал Мэрик. Логейн, видимо, почувствовал, что его разглядывают, и одарил Мэрика убийственным взглядом. Он, в отличие от сестры Эйлис, даже не старался скрыть поздозрение. Внезапно смутившись, Мэрик натянул одеяло повыше, чтобы прикрыть ногу.

— Стало быть, он все же соизволил проснуться, — сухо заметил Логейн, не сводя глаз с Мэрика.

— Он немного оправился, — отозвалась священница и подняла с пола таз с водой. — Досталось ему, надо сказать, изрядно. Ты, Логейн, хорошо сделал, что привел его сюда.

Содержание

УКРАДЕННЫЙ ТРОН.....	7
ПРИЗЫВ.....	297
МАСКА ПРИЗРАКА.....	635

Гейдер Д.

Г 29 Dragon Age. Украденный трон ; Призыв ; Маска призрака : романы / Дэвид Гейдер ; пер. с англ. Т. Кухта. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 960 с.

ISBN 978-5-389-19770-1

Когда-то под словом Тедас подразумевались земли, которые еще не успела захватить могучая империя Тевинтер. Но теперь так называется весь континент, и пришедшая в упадок империя вынуждена делить его с несколькими враждующими странами, где ютятся остатки древнего народа эльфов, где сражаются фанатичные воины кунари, где некроманты-морталитасы вершат свои секретные ритуалы, а лучшие в мире наемные убийцы — Антиванские Вороны — готовы, и не обязательно за деньги, пролить чью угодно кровь. Мир «Dragon Age» невероятно щедр на подвиги и приключения, на интриги и заговоры, на тайны и загадки, — и до отказа насыщен магией.

В книгу вошли три романа от ведущего сценариста компании «Bioware», создателя истории и дизайна вселенной знаменитой игры «Dragon Age».

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Литературно-художественное издание

ДЭВИД ГЕЙДЕР
DRAGON AGE
УКРАДЕННЫЙ ТРОН
ПРИЗЫВ
МАСКА ПРИЗРАКА

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ольги Антиповой
Корректоры Валерий Камендо, Маргарита Ахметова,
Дмитрий Капитонов
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 28.06.2021. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 60. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в филиале «Тульская типография» ООО «УК» «ИРМА».
300026, г. Тула, пр. Ленина, 109

H-ACR-28539-01-R